

И съ дикимъ ужасомъ въ груди
 Отъ человѣческаго взора
 Они несутся въ сумракъ бора.
 Одинъ съ отчаяньемъ нѣмымъ
 На хладномъ трупѣ я томился;
 Сопутникъ мой не тяготился
 Докучнымъ бременемъ своимъ.
 А я, на мертвомъ умирая,
 Не чаялъ, чтобъ заря другая
 Опять увидѣла меня
 Бездомнымъ, круглымъ сиротою.

Отъ утра до заката дня
 Тяжелые часы чредою
 Влачили. Жизни у меня
 Едва ли столько оставалось,
 Чтобы увидѣть, какъ склонялось
 Въ послѣдній разъ свѣтило дня.
 Но кто съ бѣдою неизбѣжной
 Не примирится наконецъ?
 Съ душой покорно-безнадежной
 Я видѣлъ близкій свой конецъ,
 То, что пророческіе годы
 Являютъ ужасомъ вдали,
 Но что для бѣдныхъ чадъ земли
 Благодѣяніе природы;
 Чего, однако же, бѣжимъ
 Мы всѣ съ стараніемъ такимъ,
 Какъ будто бы страшились кова,
 Который можно миновать
 Усиліемъ ума людского;
 Чего случается желать,
 Иль острѣмъ меча искать;
 Но что всегда для насъ пребудетъ
 (Съ какимъ ни явится лицомъ,
 И какъ ужасна жизнь ни будетъ)
 Еще ужаснѣйшимъ концомъ.

И странно: кто до пресыщенья
 Вкусил мірскія наслажденья,
 Кто шумно тратилъ дни свои
 Въ пирахъ и въ нѣгѣ и въ любви—
 На смерть готовѣ порою,
 Чѣмъ тотъ, кто былъ рожденъ страдать.
 Одинъ успѣлъ ужъ испытать
 Все, что ни мило подъ луною—
 И все постыло для него,
 И онъ не ждалъ ужъ ничего.
 Другой—онъ дышитъ упованьемъ
 Конца дожждатся всѣмъ страданьямъ.
 Ему бы другомъ смерть считать:
 Нѣтъ, смерть въ глазахъ его какъ тать,
 Къ нему явившійся, алкая,
 Лишить его земного рая.
 Назавтра былъ бы счастливъ онъ;
 Забывъ судьбы удары злые,
 Назавтра, сердцемъ обновленъ,
 Не сталъ бы плакать онъ впервые—
 И дней прекрасныхъ длинный рядъ
 Уже сквозь слезъ ему открылся
 Въ замѣнъ и горестей и тратъ;
 Онъ завтра бъ съ міромъ примирился,
 Блистать бы могъ, повелѣвать,
 Карать, спасать своею силой—
 И этотъ день... уже ли встать
 Онъ долженъ надъ его могилой?

XVIII.

Ужъ солнце догорало. Я
 Все былъ на трупѣ охладѣломъ
 И мнилъ, что скоро съ конскимъ тѣломъ
 Должна смѣшаться персть моя.
 Къ спасенью не было надежды:
 Предсмертный мракъ сходилъ на вѣжды.
 Я устремилъ на небеса

Прощальный взоръ, и чтожь? надъ нами
 Голодный воронъ ужъ вился.
 Онъ радостно махалъ крылами,
 Онъ пожиралъ уже глазами
 Почти готовый ужинъ свой.
 То онъ порхалъ, то онъ садился,
 То вновь надъ самой головой
 Смѣлѣе прежняго носился —
 И если бъ я владѣлъ рукой,
 Я бъ могъ поймать его за крылья.
 Но тихій шорохъ отъ усиля,
 Но легкое движеніе рукъ,
 Да звукъ изъ горла одичалый
 (Едва-ль былъ голосомъ тотъ звукъ),
 Все это ворона прогнало.
 Вотъ все, что знаю. Лишь одно,
 Мое послѣднее видѣнье,
 Еще мнѣ помнится темно:
 Звѣзда горѣла въ отдаленѣ,
 И въ свѣтѣ трепетномъ плыла,
 И на меня свой блескъ лила;
 Потомъ мигъ жизни, мигъ смятенья,
 Мигъ хлада, мрака, цѣпенѣнья,
 И вновь къ ничтожеству возвратъ,
 И вновь мгновенное дыханье,
 И дрожь, и жизни колебанье,
 Томительный на сердцѣ хладъ,
 Летучихъ искръ въ глазахъ сверканье,
 Единый вздохъ, единый стонъ...
 А тамъ глубокій, долгій сонъ.

XIX.

Очнулся, я; но гдѣ жъ? ужели
 Ко мнѣ склонился взоръ людской?
 Ужели кровь надъ головой?
 Ужель покоюсь на постели?
 И точно ль человѣка ликъ

Такимъ сіяеть умиленьемъ?
Я вновь закрыль глаза на мигъ,
Боясь обмануть быть видѣньемъ.
У стѣнки, въ хатѣ казака,
Сидѣла дѣва предо мною —
Стройна, прекрасна, высока,
Съ густой распушенной косою.
Оживъ, замѣтилъ я тотчасъ
Ея сверкавшій черный глазъ.
Она заботливо, порою,
Привставъ, бросала на меня
Взоръ быстрый, полный сожалѣнья —
И наконецъ повѣрилъ я,
Что то не призракъ сновидѣнья,
Что я живу, что ужъ теперь
Меня не тронетъ хищный звѣрь.
Узнавъ, что жизнь во мнѣ проснулась,
Моя казачка улыбнулась.
И я дрожащимъ языкомъ
Ей отвѣчать хотѣлъ, но тщетно.
Она жъ приблизилась привѣтно
И, сжавъ уста себѣ перстомъ,
Молчать велѣла, и съ любовью
Свою мнѣ руку подала;
Потомъ, склонившись къ изголовью,
Его слегка приподняла.
Потомъ, на цыпочкахъ пошла,
Дверь осторожно отворила
И тихо, тихо говорила,
И рѣчь ея сладка была,
Шаги гармоніей звучали.
Когда же ей не отвѣчали,
Она, еще мнѣ бросивъ взглядъ
Ушла, давая знакъ рукою,
Что вмигъ воротится назадъ:
Я вновь остался сиротою.

XX.

Но скоро съ матерью, съ отцомъ
Она пришла...

Чего же болѣ?

Я докучать не стану долѣ
Подробной повѣстью о томъ,
Что сдѣлалось со мной потомъ.
Меня полмертвымъ въ чистомъ полѣ
Казаки бѣдные нашли,
Въ жилище ближнее снесли
И попеченьями своими
Меня отъ гибели спасли—
Меня, котораго надъ ними
Судьба готовила главой.
И вотъ какъ извергъ изступленный
Насытилъ гнѣвъ ревнивый свой!
Глупецъ, на казни ухищренный,
Въ пустыню бросилъ онъ меня
Нагимъ, въ цѣпяхъ, въ крови, не мня,
Что я чрезъ стѣнь шагну ко власти!
Кто угадаетъ свой удѣлъ?
Не унывай никто въ напасти!
Быть можетъ, Турція предѣлъ
Мы завтра узримъ предъ собою—
И признаюсь, Днѣпромъ-рѣкою
Ужъ напередъ плѣняюсь я.
Покойной ночи вамъ, друзья!"

Казакъ простерся съ этимъ словомъ
На лиственномъ одрѣ своемъ,
Ему не жесткомъ и не новомъ:
Когда и гдѣ уснуть—о томъ
Онъ на вѣку своемъ суровомъ
Заранѣ думать не привыкъ.